

Садченко Валентина Николаевна

Sadchenko Valentina Nikolaevna

кандидат исторических наук,
доцент кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета

PhD in History, Associate Professor,
Foreign History, Political Science
and International Relations Department,
North Caucasus Federal University

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ЛИДЕРСТВА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

CERTAIN ASPECTS OF THE COMPARATIVE ANALYSIS OF LEADERSHIP IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению такого компонента политической системы, как политическое лидерство, и его сравнению в двух восточных неоавторитарных государствах на основании анализа теоретических программных работ, нормативно-правовых актов и ряда теорий лидерства. Исламская Республика Иран и Китайская Народная Республика, обладая специфическими чертами политического развития, тем не менее имеют ряд общих черт: традиционализм, господство отношений подданства в политической сфере, приоритет государства над личностью, особая роль сильной личности и политического лидера. В работе уделено внимание исследованию теории патерналистского лидерства Л. Фарха, Ц. Ляня, Л. Чоу и Б. Чэна применительно к председателю Китайской Народной Республики, а также изучению неошиитской концепции «веляят-е факих» Р. Хомейни в иранской модели государственности.

Ключевые слова:

неоавторитаризм, децентрализованный авторитаризм, гибридный режим, технократический режим, теократический авторитаризм, теократическая диктатура, концепция «веляят-е факих», рахбар, патерналистская теория лидерства.

Summary:

The research considers and compares such component of the political system as political leadership in two Eastern neo-authoritarian states based on the analysis of the theoretical program works, laws and regulations and a number of leadership theories. The Islamic Republic of Iran and the People's Republic of China characterizing by the specific features of political development have a number of common features: traditionalism, the domination of national political relations, the state's priority over the person, the special role of a strong personality and political leader. The paper focuses on studying the theory of paternalistic leadership of J.L. Farh, J. Liang, L.F. Chou and B.S. Cheng with regard to the President of the People's Republic of China. Besides, the research analyzes the Neo-Shiite concept of Wilayat al-Faqih by R. Khomeini related to the Iranian model of statehood.

Keywords:

neo-authoritarianism, decentralized authoritarianism, hybrid regime, technocratic regime, theocratic authoritarianism, theocratic dictatorship, the concept of Wilayat al-Faqih, rahbar, paternalistic leadership theory.

События «арабской весны» продемонстрировали, что демократический транзит не может быть в полной мере приспособлен к восточным обществам. В связи с этим актуальным становится анализ тех моделей политических систем и политических режимов, которые являются весьма устойчивыми в условиях турбулентности. Примеры достаточной стабильности политических режимов демонстрируют Исламская Республика Иран (ИРИ) и Китайская Народная Республика (КНР).

Сопоставляя эти системы, следует указать, что по сути они представляют собой переходные по формальным признакам и современные авторитарные (неоавторитарные) режимы. Если обратиться к проблеме точных дефиниций, то среди ученых не обнаружится единства. Конституция Китая 1982 г. считается конституцией «модернизированного социализма», что и послужило причиной определения политической системы КНР как «ленинской» или «советской» (Р. Фут, Б. Диксон, Дж. Фьюксмит и пр.). Такой тип государства базируется на главенствующей роли Коммунистической партии Китая (КПК), «принципе централизма». В подобном русле мыслят и отечественные исследователи. Специалист Института Дальнего Востока РАН Н.Л. Мамаева полагает, что в отношении Китая неверно применять формулу «сочетания либеральной экономики и авторитарной власти», поскольку она не учитывает всего многообразия политической действительности, активно адаптирующейся к требованиям времени [1].

С 2000-х гг. ученые приводят дефиниции политического режима в русле концепций неоавторитаризма, децентрализованного авторитаризма, гибридного или технократического режимов (М. Галлахер, Э. Натан [2], П. Лэндри [3] и пр.). Сотрудник ИСАА МГУ М.В. Карпов называет систему КНР «посттоталитарной» [4]. Более подробные теории в отношении определений политической системы КНР можно проследить в работах Е.В. Кремнёва [5], Д.А. Смирнова [6], М. Титаренко [7].

В определении политического режима Ирана у ученых наблюдается большее единодушие – теократический авторитаризм или «теократическая диктатура» (И.В. Добровицкий). С.А. Воронин говорит об «иранской модели» легитимности власти, основанной на исламе и исламизме [8]. Р. Хомейни, лидер исламской революции, полагал, что исламское правление не соответствует никакой другой форме, равно отличаясь как от абсолютизма, так и от конституционной монархии и республиканского строя [9, с. 27]. Австралийский ученый У. Сандхауссен отмечает, что политическая традиция ислама обосновывает преобладание в мусульманских странах авторитарных режимов чаще, чем в прочих государствах Востока. С.Р. Аббас и М. Асим квалифицировали режим в Иране как теократическую демократию [10].

Политические системы Ирана и Китая являются специфическими в силу того, что развитие государств в определяющей степени зависит от культурных и политических традиций, уровня готовности наций к тем или иным переменам. Отказ от прежних ценностей и заимствование новых, характер и степень инерции общества вызваны принадлежностью к соответствующей цивилизации. ИРИ и КНР относятся к цивилизации восточного типа со свойственными ей чертами традиционализма, основанными на синтезе физического труда и производительной силы природы, невыделенности человека из природы. Это вызвало к жизни принцип насилия по отношению к индивиду со стороны социума и государства и способствовало формированию отношений «государство – подданный». Подобные взаимоотношения привели к доминированию сильной личности в политической системе общества, относительной замкнутости и однородности социума, наличию патронажно-клиентельного сознания, малой степени гибкости политического режима, приоритету государственной собственности как высшей формы. Опираясь на концепцию М. Вебера, можно говорить о сочетании трех типов легитимности власти в Иране и Китае: традиционного, который стал заменяться на рационально-легальный с конца XIX в. при сохранении значительных элементов харизматичного типа властных структур.

В политической системе КНР и ИРИ значительная роль принадлежит лидеру и сильной личности. Р. Хомейни в начале 1970-х гг. разработал концепцию «веляят-е факих» (правление исламского правоведа), легитимизирующую право высшего духовного авторитета шиизма на полную власть, легшую в основу современной Конституции ИРИ. Базируясь на принципе преемственности правления имамов, Конституция признается «основой правления вождя, отвечающего всем требованиям и признанного в таком качестве народом» [11, с. 6]. Реализация законодательной, исполнительной и судебной власти осуществляется под контролем абсолютного правления имама («веляят-е факих»). Р. Хомейни указал на качества, которыми должен обладать правитель: разум и способность реально мыслить, знание законов, справедливость, непогрешимость с точки зрения религии и морали [12, с. 29–30; 13, с. 12, 37]. В Иране факих (верховный рахбар) назначается всенародно выбранными экспертами (ст. 107–112), а президент является главой правительства на основании всеобщего голосования иранского народа (ст. 113–142). Его полномочия и политический курс находятся под непосредственным контролем Наблюдательного совета во главе с факихом.

Таким образом, в политической системе современной ИРИ огромная роль принадлежит лидеру страны факиху, обладающему легально закрепленными в Конституции полномочиями и легитимностью на основании шиитской концепции власти. Лидеры нередко используют символы и невербальные каналы коммуникации для контроля над социальными группами в целях утверждения в сознании индивидов неизбежности наказания за нарушение традиционных ценностных установок [14].

Лидеру в политической системе КНР уделяется значительное место, что нашло отражение в приспособлении теории обмена «лидеры – последователи» (Leader Member Exchange – LMX) Дж. Гразна и М. Уль-Бьен к китайской специфике. Однако существенным вкладом следует признать оригинальную концепцию патерналистского лидерства, согласно которой указанный стиль уходит корнями в патриархальную традицию Китая и распространен не только в политической сфере, но и в бизнес-среде. Дж.Л. Фарх с соавторами выделил три компонента этой модели: авторитаризм, доброжелательность и моральный авторитет, которые базируются на культурных традициях конфуцианства и легизма [15].

В Конституции КНР 1982 г. должность председателя КНР формально прописана в духе демократических принципов: выборности (депутатами Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП)); срочности (максимум два срока подряд); подконтрольности (председатель КНР обладает правом публикации законов; назначения и смещения премьера, заместителей премьера и членов Государственного совета, а также других высших должностных лиц; награждения государственными наградами и почетными званиями; введения военного положения, мобилизации и объявления войны лишь на основании постановлений ВСНП и Постоянного комитета ВСНП) [16]. Однако председатель КНР может прибегать к такому каналу политического влияния, как возможность изменения Устава КПК. Особую роль при жизни лидера играли М. Цзэдун, когда

его имя было включено в основополагающий партийный документ, и С. Цзиньпин, когда в октябре 2017 г. XIX съезд КПК внес его положения «о новой эре социализма с китайской спецификой». Таким образом легально и легитимно признавался их вклад в развитие политической мысли. Идеи Ц. Цзэминя и Х. Цзиньтао также были включены в устав КПК, но без отражения имен этих лидеров. Теперь в идеологической базе КПК упоминаются три человека – М. Цзэдун, архитектор китайских экономических реформ Д. Сяопин и С. Цзиньпин [17].

Современный лидер КНР С. Цзиньпин, по мнению аналитика Foreign Affairs Э. Натана, ужесточил меры в отношении юристов, ученых, активистов гражданского общества и интеллигенции, усилил контроль над СМИ. Его антикоррупционная кампания нацелена на выдавливание высокопоставленных чиновников, демонстрирующих недостаточную личную лояльность С. Цзиньпину [18]. Подобной позиции придерживается специалист ИДВ РАН А.Н. Королев, считающий, что авторитарная форма правления способствовала достижению Китаем значительных экономических результатов на протяжении 30 лет, но на сегодня подрывает экономическую стабильность. Это проявляется в откате к авторитаризму, начавшемуся при С. Цзиньпине. Его антикоррупционная кампания перешла в политические чистки [19, с. 110–111], что в духе патерналистской теории лидерства, поскольку С. Цзиньпин окружает себя лишь небольшим кругом верных последователей. Подобным образом обстояло дело при всех предыдущих четырех поколениях китайских политиков.

Легальность политического лидера в КНР и ИРИ основана на нормативных актах (конституциях, Уставе КПК, концепции «веляят-е факих»), которые лишь формально следуют принципам демократии. Легитимность покоится на традиционных конфуцианских и легистских ценностях в КНР и шиитской модели уммы и власти в Иране, а отношения между лидером и массами базируются на безусловной поддержке «своего» вождя, личной и (или) эмоциональной привязанности, лояльности масс к лидеру, патронажно-клиентельных и патерналистских связях.

Ссылки:

1. Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007. 232 с.
2. Натан Э. Конфуций и избирательные урны. Почему «азиатские ценности» не мешают демократии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/book/Konfucii-i-izbiratelnye-urny-15658> (дата обращения: 19.02.2018).
3. Landry P. Decentralized Authoritarianism in China. N. Y., 2008. 295 p.
4. Карпов М.В. «Социализм с китайским лицом» или капитализм по-китайски? // Восток. 1996. № 3. С. 64–73.
5. Кремнёв Е.В. Политическая система и политический режим в КНР на современном этапе: подходы к определению // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2014. № 1 (13). С. 6–11.
6. Смирнов Д.А. Российские исследования политической системы и права КНР // Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2014. С. 98–124.
7. Титаренко М. О феномене китайского социализма (размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогах XVIII съезда КПК) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 3–24.
8. Воронин С.А. Эволюция политического лидерства в исламском мире в контексте концепции «третьего пути» в 40-е гг. XX в. – начале XXI в. (Индонезия, Ливия, Иран) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
9. Хомейни Р. Правление факиха: исламское правление [Электронный ресурс]. URL: <http://nur-org.ru/books/imam-homejni-pravlenie-fakiha.pdf> (дата обращения: 19.02.2018).
10. Abbas S.R., Asim M. What is Theocratic Democracy: a Case Study of Iranian Political System // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. No. 8. P. 387–400.
11. Конституция Исламской Республики Иран [Электронный ресурс]. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/images-imce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 19.02.2018).
12. Хомейни Р. Указ. соч. С. 29–30.
13. Конституция Исламской Республики ... С. 12, 37.
14. Воронин С.А. Указ. соч.
15. Paternalistic Leadership in Chinese Organizations: Research Progress and Future Research Directions / J.L. Farh, J. Liang, L.F. Chou, B.S. Cheng // Leadership and Management in China Philosophies, Theories, and Practices / ed. by C.-C. Chen, Y.-T. Lee. N. Y., 2008. P. 171–205.
16. Конституция КНР 1982 г. [Электронный ресурс] : с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг. // Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 19.02.2018).
17. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-11/03/content_41842843.htm (дата обращения: 19.02.2018).
18. Nathan A.J. What is Xi Jinping Afraid of? China's Regime is Less Secure than it Looks [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2017. Dec., 8. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-12-08/what-xi-jinping-afraid> (дата обращения: 19.02.2018).
19. Королев А.Н. Эволюция политического режима и перспективы экономического развития в КНР // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы : тезисы докладов XXII Международной научной конференции. М., 2016. С. 109–111.